

УДК 7.038.1 + 316.346.2 + 316.422

Л. В. Чеснокова

ПРИВАТНОСТЬ, СКУКА И ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ МОДЕРНА

В статье рассматриваются изменения в буржуазной семье в эпоху модерна. В результате индустриализации происходит разделение публичного и частного пространства, мужской и женской деятельности, основывавшееся на представлениях о различной природе полов. Активный, рациональный мужчина занимается профессиональной деятельностью, а слабая и эмоциональная женщина самой природой предназначена для семьи и материнства. Буржуазная женщина не имеет возможности работать вне дома, а ее домашняя деятельность лишается характера полезного труда, воспринимаясь как бессмысленная и монотонная и порождая ощущение скуки как состояния бесконечно длящегося, бесцельно проживаемого времени. Хотя возможность не работать была лишь у небольшого процента женщин, идеология сепаратных сфер понималась как идеал семьи для всех слоев общества. Этот влиятельный ментальный конструкт продолжает существовать и в наше время.

К л ю ч е в ы е с л о в а: модерн, буржуазное общество, приватность, публичность, идеология сепаратных сфер, скука, гендерные отношения.

С определением эпохи Нового времени существуют и терминологические, и хронологические сложности. В русскоязычных публикациях словом «модерн» называют, как правило, стиль в искусстве начала XX в. В западной науке понятие «модерн» обозначает также эпоху Нового времени (англ. *modernity*, фр. *les temps modernes*, нем. *die Moderne*), определяющей чертой которой является модернизация, то есть стремительные перемены в общественной жизни, экономике и культуре по сравнению со стабильностью традиционных эпох.

У историков нет единства относительно хронологических рамок этого процесса, не говоря о том, что в разных обществах процессы модернизации начались в разное время и протекали с разной скоростью. В качестве предпосылок процесса модернизации европейского общества можно назвать буржуазные революции в Нидерландах, Англии и особенно во Франции, Реформацию и идеологию Просвещения. Эти события привели к масштабным переменам в обществе: к индустриализации, урбанизации, индивидуализации сознания, развитию научно-технического прогресса и рационального мышления, определившим особенности европейской цивилизации.

Вторая половина эпохи модерна, или «долгий XIX век», продлившийся с Великой Французской революции до начала Первой мировой войны (1789–1914), характеризуется ускорением модернизационных процессов. Динамичное развитие получает капиталистическая система отношений, основывавшаяся на частной собственности. Ведущую роль в обществе начинает играть средний класс, отделяющий себя как от аристократии, так и от пролетариата. Девятнадцатый век называют «золотым веком буржуазии»: временем, когда она пришла

к наибольшему могуществу. Хотя представители буржуазии составляли относительно небольшой процент населения, ее ценности оказали сильное влияние и на другие слои общества. «Она определяла облик этого века в области экономики, науки и культуры, в формах семейной жизни, в области морали больше, чем какая-либо иная социальная формация. Речь идет о купцах, банкирах и фабрикантах, о врачах, адвокатах, профессорах и чиновниках» [18, 7–8]. Отличительными чертами буржуазного класса были индивидуализм, стремление к высокому социальному статусу, высокий престиж образования и культуры, а также особая ценность дома и семьи.

В результате процессов индустриализации и урбанизации усиливается разделение публичной и приватной сфер. Появляется «досуг», то есть свободное время, которое можно провести в семейном или дружеском кругу. В результате новую ценность приобретают семья и дом. Социально-экономические изменения, вызванные промышленной революцией, повлияли на желание создать отделенное от тревог и проблем внешнего мира домашнее пространство, в котором можно отдохнуть, реализовать индивидуальные вкусы и потребности.

В эту эпоху на смену расширенной традиционной семье, включавшей в себя и дальних родственников, приходит нуклеарная семья, состоящая из отца, матери и детей. В традиционном обществе, когда проживание и производительные функции были объединены под одной крышей, все члены семьи участвовали в хозяйстве. Дом был доступен для публичности в лице покупателей, клиентов, соседей и т. п. Хозяин дома принимал участие в домашней жизни, а хозяйка и дети помогали в лавке, конторе или мастерской. Ученики и подмастерья часто проживали в доме хозяина и рассматривались как часть семьи. Женщина часто выступала помощницей мужа в семейном бизнесе, например, вела бухгалтерские книги или продавала произведенную продукцию. Женщины играли важную роль в домашней экономике. Если муж, как правило, выполнял одну трудовую функцию, «его жена могла делать самые разные работы. Занятия мужа, которые были четко установлены, начинались и завершались в определенное время и обычно оставляли ему немного свободного времени, которое он проводил в таверне или на деревенской площади. В отличие от них женский труд никогда не кончался» [8, 46] и имел решающее значение для выживания семьи.

Женщина занималась менеджментом домашнего хозяйства. По описанию Р. Хабермас, хозяйка богатого буржуазного дома в конце XVIII в. занималась присмотром за персоналом, руководила производством и обработкой сельскохозяйственной продукции, часть из которой шла на продажу, закупкой необходимых для дома товаров, заготовкой домашней одежды и текстиля — помимо неустанной заботы о многочисленной семье и детях. Примечательно, что еще в XVIII в. жена описывает в письмах свою трудовую деятельность с гордостью и удовлетворением. Она знает, «как важна эта работа для благосостояния семьи и как сильно она ценится ее мужем, всей семьей и друзьями. И действительно, она имела все основания гордиться своим трудом, поскольку ее работа по руководству домом требовала значительных профессиональных знаний и не меньших деловых способностей и представляла собой существенный источник доходов семьи» [15, 43].

В XIX в. представления об идеальной буржуазной семье начинают меняться. Несмотря на то что хозяйка дома все так же активно руководила слугами, сельским хозяйством, заготовкой продукции, покупкой и продажей товаров, в ее самопрезентации на передний план выходят совсем другие ценности. В результате разделения дома и работы появляется буржуазная модель «муж–кормилец, жена–домохозяйка». Теперь только он должен обеспечивать пропитание семьи, а она — заботиться о семейном уюте и создавать тыл уставшему от борьбы и конкуренции во внешнем мире мужчине.

К краеугольным камням буржуазной культуры относилось позитивное отношение к добросовестному труду и такие добродетели, как прилежание и тщательность, уважение к образованию и науке и, не в последнюю очередь, реализация определенного семейного идеала. Утратившая производительные функции, основанная на взаимной симпатии и отделенная от экономики и политики, семья должна была образовывать закрытый от тревог и забот мир благодаря доходу мужчины и работе слуг, освободивших пространство для досуга жены и детей. Семья воспринимается как гавань покоя в лихорадочном и торопливом обществе буржуазного успеха. Одним из важнейших показателей буржуазного статуса была праздность супруги. «Возможность нанять прислугу являлась индикатором социального положения, и поскольку ее труд был дешевым и доступным, он был одним из первых предметов роскоши, которые позволяла себе иметь даже семья со скромным достатком» [8, 31].

Новая практика ведения домашнего хозяйства была подкреплена идеологией «раздельных сфер» — публичного и приватного пространства, согласно которой мужчина был создан для публичной сферы, женщина — для приватной. Буржуазное общество было «высокоспециализированным по половому признаку миром, который имел разные нормы и ритуалы для мужчин и для женщин. Мужские и женские сферы влияния считались “дарованными от природы” и строго разделенными, однако гармонично дополняющими друг друга» [10, 3]. Особенности, присущие тому или иному полу, понимались как сущностный признак, определяемый биологической природой человека. В результате подобных представлений женщинам приписывались такие черты характера, как пассивность и эмоциональность. «“Традиционная роль” предполагает определенную преемственность и стабильность. Концепт гендерной роли — застывший, неподвижный» [14, 59]. В рамках этой роли субъекту даются основания для определенной социализации. Различным полам приписываются противоположные свойства и задачи, за которыми стоят определенные представления о правильном поведении, прежде всего женщин, которые были изобретены в ходе развития буржуазного общества. Считалось, что эта модель обеспечивает стабильность общества и правильное распределение обязанностей, когда мужчина отвечал за содержание семьи, а женщина — за домашнее хозяйство, мужчина уходил заниматься производительным трудом и творчеством, а женщина — на кухню и в детскую комнату.

В результате укоренения этих представлений усиливается гендерное неравенство. Отстраненная от возможности принимать организационные и финансовые решения, женщина становится еще более зависимой, чем ранее. Это разделение

полов получает философское обоснование. Изобретателями особенностей женского характера были преимущественно философы и ученые рубежа XVIII–XIX вв. Просветители, выступая против абсолютизма и привилегий дворянства, провозглашают идеалы разума, индивидуальности и гуманизма. Теперь настоящее и будущее человека меньше зависят от его происхождения, а личные таланты и трудолюбие дают шанс завоевать более высокое социальное положение.

Однако не все люди были в равной степени наделены свободой. Для полноценного гражданства требовалось быть отцом семейства в патриархальном смысле. «Тем самым женщины по признаку пола неизменно стояли вне политически-правовых отношений буржуазного общества. Ориентация на успех, принцип мобильности, прогресс — все эти присущие буржуазному самосознанию термины не относились к женщинам» [12, 22]. Хотя это не означало для женщин отказ в наличии человеческого достоинства, они не наделялись полностью гражданскими правами. Наличие прав и свобод считалось результатом природного превосходства мужчины, вытекающего из его большей физической силы и большего мужества.

«Получила распространение идея о природной женской пассивности и покорности, вера в то, что домашняя сфера “естественна” для женщин и что барьер между полами — это единственно возможная основа социальной гармонии» [16, 84]. Природа выступает как нормативный принцип. Делаются попытки объяснить правовой, экономический, образовательный, интеллектуальный подчиненный статус женщины, исходя из ее иной, чем у мужчины, сущности. «Обращение к природе позволяет создать рациональную теорию феминного. Считается, что женщина находится в непосредственной связи с природой. Без сомнения, мужчины — также природные существа, но их отношения с природой опосредованы» [4, 334]. Сама природа метафорически описывается как женщина.

Особенностью идеологии модерна было жесткое дихотомическое разделение таких категорий, как «природа» и «культура», «разум» и «чувства», «мужчина» и «женщина», «публичность» и «приватность», «улица» и «дом». «Пол в этой дихотомии был нагружен “биологией”, что на долгое время повлекло за собой физиологически-анатомическую онтологизацию отношений полов и закрепило социо-культурные и телесно-материальные различия. В процессе натурализации социального различия полам были приписаны биполярные, ориентированные на телесные различия мужские и женские гендерные характеры» [21, 117]. Вытекающие из этого представления о «естественном порядке» приписывали такие востребованные в эпоху модерна качества, как активность, рациональность, самостоятельность, предприимчивость и индивидуализм мужской природе, в то время как слабость, пассивность и чувствительность считались характеристиками женского пола.

В результате апелляции к природному порядку были заложены стереотипы касательно мужской и женской природы и произошло закрепление гендерно-специфических ролей, определяемых через понятия силы и слабости. На основании «врожденных» половых характеров идеология модерна предписывала для мужчины мир профессии и политики, а буржуазным женщинам указывала

на сферу семьи. «Вследствие такого полярного разделения качеств закреплялись не только неравенство, но и система господства и подчинения. Решения принимал муж и отец, его абсолютному авторитету подчинялись все члены семьи» [10, 25].

С разрушением сословного общества и ростом экономики у многих представителей буржуазного общества появились новые возможности для карьеры. Возникают рабочие места, требующие специального образования. Мальчики его получали, девочки — нет, что еще сильнее изолировало их в приватной сфере, лишало возможностей самореализации. Мир учености должен был быть исключительно мужским. В разговорах в обществе женщинам также нежелательно было высказываться на тему права, экономики и политики, считавшихся мужской прерогативой. Предполагалось, что единственно возможная сфера деятельности для слабой, эмоциональной, зависимой по природе женщины — забота о муже и детях. «Это разделение между мужским и женским мирами имело также религиозную коннотацию, поскольку рыночная площадь стала считаться опасно безнравственной. Мужчина, действующий в этой сфере, мог сохранить себя только благодаря постоянному контакту с нравственным миром дома, где женщины функционировали как носители нравственных ценностей, которые могли нейтрализовать деструктивные тенденции рынка» [16, 74]. Дом был спокойной гаванью для мужчины, ответственного за материальное благосостояние семьи. Женская хрупкая личность была бы разрушена, если бы ей пришлось вступить в профессиональную конкуренцию и борьбу за материальные блага. Муж выступал для нее кормильцем и буфером от жестокого внешнего мира.

Отсюда же берут начало представления об особой уязвимости женщин в публичном пространстве. Считается, что пребывание вне дома чревато для них как угрозой физического насилия, так и возможностью утраты репутации. Многие представительницы буржуазного общества опасаются выходить без сопровождения, особенно в темное время суток, что приводит их к ограничению мобильности и еще большей зависимости от супруга. Ограничения на пребывание представительниц слабого пола в публичном пространстве и противопоставление «проституток» и «порядочных женщин» привело к тому, что «подозревать в проституции могут любую женщину, которая в темное время суток выходит в публичное пространство» [21, 184]. Из опасений за свою репутацию женщины ограничивали свое пребывание вне дома в вечерние и ночные часы. Долгое время важнейшей задачей «порядочных женщин» было избегать возможных ситуаций, которые могли нанести урон их репутации, поэтому возник особый страх перед публичным пространством, усиливший ограничение мобильности женщин. Публичное пространство — городские улицы и площади — в любое время представлялись опасными местами, где царили грубость, насилие и сексуальное искушение. В многочисленных книгах хороших манер запрет на выход из дома подавался как правило приличия, которое обосновывалось заботой о женской безопасности. Место женщины теперь — защищенный мир приватности, «домашний рай», где она должна была создавать уют. «Свой дом как приватное пространство противопоставляется отчуждению, спешке и эксплуатации эпохи модерна» [9, 47].

Однако, несмотря на разделение мужской и женской сфер, оно затрагивало в первую очередь слой образованной буржуазии и ни в коем случае не было универсальным. Только высшие слои общества могли себе позволить женскую праздность. Хотя идеологический конструкт «муж — добытчик, жена — домохозяйка» прочно укоренился в общественном сознании, большинство женщин всегда занимались производительным трудом. Иногда в небогатых буржуазных кругах это было лишь имитацией праздного образа жизни. Положение буржуазной женщины также было различным — в зависимости от статуса, достатка, места проживания, числа детей и т. п. «Демонстративный досуг супруги из высших слоев в течение веков превратился в символ статуса мужчины-добытчика, но можно также найти примеры тяжелой работы за фасадом праздной репрезентации» [17, 99].

Индустриализация вызвала потребность в женском труде вне дома — на заводах и фабриках, однако одновременно в XIX в. озаботились нравственностью работниц. Женский труд за пределами дома приобрел характер проблемы, грозящей утратой женственности. Поскольку считалось, что истинное место женщин — дом, их работа рассматривалась обществом как временная, не требующая квалификации и, естественно, плохо оплачиваемая. Конечно, задолго до наступления эры промышленного капитализма существовали женщины-работницы, но в XIX в. трудящаяся женщина стала «предметом наблюдения, изучения, беспрецедентного внимания. Современники спорили о приемлемости, моральности и даже законности ее трудовой деятельности» [7, 375]. Вопрос вызвала сама возможность одновременного сохранения женственности и необходимости зарабатывать на жизнь.

Если в доиндустриальную эпоху возможность совмещения продуктивной и репродуктивной деятельности женщин не вызвала сомнений, разделение сфер работы и дома поставило под вопрос такое сочетание. В качестве компромиссного варианта предполагалось, что женщины могут работать на производстве только до замужества, так как их истинным природным предназначением являются семейные и материнские обязанности. Поскольку считалось, что женщины работают лишь короткий период в своей жизни (независимо от реального положения дел), они могли претендовать только на неквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие места. «Проблема работающей женщины, таким образом, заключалась в том, что она воспринималась как аномалия в мире, где как труд, так и семейные обязанности требовали полного рабочего дня и были разделены в пространстве» [Там же, 376].

В идеологии модерна изменилось также отношение и к женской домашней работе. Теперь она воспринимается не как труд, приносящий материальные блага, а как «служба любви» по отношению к мужу и детям. Работа мужчины вне дома, в отличие от труда домохозяйки, оплачивалась. В дальнейшем мужская работа рассматривалась как деятельность по производству материальных ценностей, в то время как работа по дому в глазах современников постепенно утрачивала свое экономическое значение — и это несмотря на то, что фактическая работа хозяйки дома только незначительно изменилась, она, как и раньше, была значима

для экономики семьи. В идеологии модерна подчеркиваются трудовая деятельность буржуазного мужчины и демонстративное ничегонеделание буржуазной женщины.

Однако, как отмечает Р. Хабермас, «из этого ни в коем случае не следует, что она действительно ничего не делает, скорее, наоборот, это старательная работа по демонстрации ничегонеделания» [15, 37]. Хотя требования к домашнему уюту в связи с ростом уровня жизни усиливаются, отнимая у женщины много времени и сил, работы по дому теперь в меньшей степени рассматривались с точки зрения экономической перспективы, пользы. Поскольку, несмотря на значительные затраты труда и времени, деятельность домохозяйки более не воспринималась как направленная на создание экономических ценностей, произошло изменение женской трудовой самоидентификации.

Примечательно повсеместное увлечение рукоделием дамами XIX в. Его популярность связана с тем, что в общественном сознании эта деятельность лишается своей экономической составляющей и воспринимается как легкий, необременительный труд. Большинство изготавливаемой таким образом продукции было не предметами потребления, необходимыми в домашнем хозяйстве, а скорее декоративным рукоделием, которое использовалось в качестве подарков. Эти подарки укрепляли социальные отношения — как ценность, сделанная своими руками и помогающая поддерживать социальные отношения семьи. Таким образом, деятельность, которую избавили от характера труда и вместо этого обратили к сфере чувств, стала признаком новой буржуазной женственности, призванной «радовать и украшать». Часы, проведенные за рукоделием, описываются в источниках того времени как мир по ту сторону рынка, работы и усилий.

Благородный образ хранительницы домашнего очага предполагал такие качества, как смирение, усидчивость и прилежание, а также внимательность к мельчайшим деталям. Поэтому уроки шитья или вязания зачастую были «дисциплинарными актами обучения добродетелям терпения и скромности, якобы от природы присущими женщинам. И это было одной из причин того, что рукоделие в школах для девочек получило настолько привилегированное место, что нередко вплоть до половины учебного времени приходилось на обучение ему» [15, 66–67].

Часто именно занятия вязанием или шитьем были для женщин первым опытом скуки. Утратив характер полезной деятельности, необходимой для домашней экономики, они перестали поддерживать самооценку женщин. «Как непродуктивная, но репрезентативная деятельность, рукоделие развилось в XIX в. как символ неподвижности и дисциплинирования, которые требовались от женщины... как классическая женская деятельность, которая сковывает голову, сердце и руки» [17, 113]. Занятия рукоделием требовали самодисциплины и самообладания. Некоторые девочки из буржуазных семей вспоминали начало обучения вязанию как «величайшее мучение нашего детства». Во взрослом возрасте «рукоделие или заполняло время ожидания супруга, или все же скрытно служило средством экономии семейного бюджета, однако без того, чтобы этот женский труд был бы виден за презентабельным фасадом» [Там же, 117] обеспеченной буржуазной семьи.

Считалось, что домашний труд — это естественная, самой природой предназначенная для женщины деятельность. Поскольку это биологический инстинкт, вызывающий потребность заботиться об окружающих, он не требует специального обучения и опыта, подобно мужской квалифицированной работе, и соответственно ценится гораздо меньше. «Люди склонны понимать заботу как часть женской биологической природы или как фундаментальную женскую черту, которая связана с женской репродуктивной ролью. Они не видят осуществление заботы как некий тренируемый навык, умение, которому следует обучаться на практике и которое сформировано культурными ценностями и экономическими условиями» [11, 3]. Считалось, что осуществление ухода за слабыми и больными членами семьи естественно присуще женщинам как матерям, женам и дочерям, подобно тому как добывание пропитания естественно присуще их отцам и мужьям.

Исторические корни подобных представлений также лежат в «идеологии сепаратных сфер». Считается, что приватная сфера семейного осуществления заботы полностью отделена от публичной сферы работы и политики. Приватная сфера семейных отношений — это домен женщины, в которой не существует мужской установки на соревновательность. Осуществление заботы в семьях должно быть передано женщинам, потому что жесткая и безличная публичная сфера является неподходящей для осуществления заботы. Обесценивание семейной заботы имеет негативные последствия для женских доходов, времени для досуга и самооценки. «Паттерны осуществления заботы связаны с неравным распределением власти, престижа и материальных ресурсов» [Там же, 10].

Поскольку домашний труд часто вообще не считается трудом и не ценится обществом, он вызывает ощущение бессмысленности и скуки, которая возникает из чувства бесцельно растрчиваемого времени. Скука представляет собой культурный феномен Нового времени, предполагающий индивидуалистическое, субъектное самосознание. «Чтобы скучать, субъект должен воспринимать самого себя как индивида, который может оказаться в разных обстоятельствах, и требовать смысла и от мира, и от самого себя. Без подобного требования смысла скука и не сможет возникнуть» [6, 19].

Особенностью Нового времени является отделение человека от традиционного порядка — социального или религиозного, ранее придававшего смысл и устойчивость его жизни. В Новое время человек оказывается предоставлен сам себе, что вызывает развитие индивидуализма, рост интереса к собственному душевному состоянию, усложнение внутреннего мира, «постепенное повышение степени рефлексии, уровня интроспекции сознания. Взгляд, направляемый раньше в первую очередь на внешний мир, теперь обращается на самого человека» [3, 161]. Напряженная рефлексия становится чертой новоевропейской культуры. Теперь человек обращает внимание на собственные душевные состояния, которые ранее не замечал. С усложнением социальных отношений и индивидуализацией усложняется эмоциональная организация человека.

В Новое время упрощается доступ к образованию у более широких слоев населения, что дает вариативность, возможность самостоятельного выбора жизненного пути и профессии, отсутствовавшие в традиционной культуре. Конечно,

это касается в первую очередь представителей привилегированных групп населения и мужчин. Возможности для женщин участвовать в политической, общественной или профессиональной деятельности в мобильном, ориентированном на успех обществе модерна были весьма ограничены. «Вероятно, тем сильнее они ощущали противоречие между своими политическими ожиданиями, надеждами и собственным негативным жизненным опытом. В свете новых буржуазных эмансипационных идей женщины более молодого поколения должны были еще сильнее ощущать ограниченность своих социальных ролей, чем поколение их матерей» [19, 96].

Отсюда возникает проблема отсутствия женской идентичности в бурно развивающемся буржуазном обществе. В то время как труд стал масштабом личности, домашняя работа утратила свой статус и признание в качестве деятельности, приносящей моральное и материальное удовлетворение. В источниках той эпохи она описывается как скучная, мелочная и ничтожная, вызывающая чувство остановившегося времени и отрезанности от мира.

Ощущение пустоты и отсутствия смыслов ведет к скуке. По мнению С. А. Лишаева, причинами скуки могут быть «монотонное повторение того же самого, дление-застывание в чем-то одном, незаполненность времени новыми впечатлениями, бессобытийность» [5, 363]. Однообразие, монотонность при невозможности вырваться за пределы этого замкнутого круга вызывают ощущение бессмысленности и безысходности. Еще одной причиной возникновения скуки можно назвать ситуацию ожидания какого-либо события. Это ожидание лишает интереса настоящее. В скуке ощущается недостаточность бытия. Человек ждет что-то, что может наполнить жизнь смыслом. Все существующее становится пустым, условным, необязательным.

Скука открывает длительность времени. «Ощущение пустоты времени в состоянии скуки — это не отсутствие событий: события происходят везде и всегда. Просто иногда время кажется только полотном, на котором сохнут краски. Пустота времени — это пустота смысла» [6, 18]. Если интересные моменты в жизни кажутся быстротечными, в скуке время тянется бесконечно долго, создавая ощущение своей избыточности. «Настоящее в скуке растягивается, прошлое и будущее ощущаются в моменте настоящего, в поглотившей все и всех скуке. Время становится пустым и незаполненным, его слишком много. “Я” взирает на мир из пустоты и с точки зрения бесконечности» [2, 46].

Для модерна характерно специфическое восприятие времени. Время мужчин становится историческим, линейным, направленным на развитие и достижение успеха, женское же время остается циклическим. Мужчина ассоциируется с цивилизацией и достижениями прогресса, женщина — с природой и ее повторяемостью годового цикла и неизменностью. Идеологами эпохи Просвещения была введена не-развивающаяся антропология женственности. «Идентификация Природы и женщины с начала рационализма Нового времени кодировала женственность как вневременную и неизменную. Если линейное время и история идентичны, то линейное время не было временем для женщин, так как было невозможно акцептировать женщин в качестве автономных субъектов в ходе истории» [17, 91–92].

Искусство и культура Нового времени определяли женщин как символ целостности и вневременности, что лишало их возможности развития и порождало ощущение пустоты и бесцельности жизни.

По словам Л. Сведенборга, «когда частная жизнь находится в центре бытия, то потребность обрести смысл жизни в тривиальной повседневности становится настоятельнее. Именно поэтому пару веков назад люди начали воспринимать себя как индивидуальные существа, которые должны реализовать себя, а каждодневное существование стало восприниматься как тюрьма. Скука связана не с физическими потребностями, а именно с духовной жадой. Скорее всего, с жадой переживаний» [6, 16].

Х. Арендт замечает, что именно возможность действовать в публичной сфере — типично человеческая способность человека. То, что может быть воспринято другими, означает принадлежность к действительности. «В сравнении с реальностью, образующейся, когда тебя слышат и видят, даже самые мощные силы нашей внутренней жизни — сердечные страсти, душевные мысли, чувственные наслаждения — ведут какое-то неуверенное, тенеобразное существование» [1, 66].

Безусловно, необходима и приватная сфера, так как есть вещи, которым необходима тайна, которые убьет яркий свет публичности. Приватность — это место, где люди появляются на свет и умирают, но не проводят жизнь, где защищенный от увиденности и услышанности человек одновременно укрыт и сокрыт. Приватная сфера связана с необходимостью выживания. Она не сфера свободы, а находится под властью необходимости. Постоянно в приватном пространстве находились женщины, которые своим телом обеспечивали физическое продолжение рода, и рабы, труд которых обеспечивал телесные жизненные потребности членов семьи.

Для полноценного человеческого существования необходимы обе сферы. Невозможно прожить жизнь только в публичности — она рискует стать плоской. Свету публичности требуется и тень. Вместе с тем, по мнению Х. Арендт, жизнь, проведенная только в приватности, недостойна человека, так как в этом случае человек лишен сущностно необходимых ему вещей: быть увиденным и услышанным другими, возможности достичь чего-то большего, чем просто жизнь. «Приватный человек не выступает в явленность, словно как если бы его вообще не было. Все, что он делает или упускает, остается лишено значения, не имеет последствий, и что его задевает, не касается больше никого» [Там же, 76].

В Античности второе рождение человека происходило, когда он покидал порог родного дома и выступал в публичность. Для того чтобы покинуть защищающее пространство дома, требовалась такая добродетель, как мужество, бывшая условием любой политики и тем самым любой свободы. Арендт приходит к выводу, что греческий гражданин Античности имел две жизни: приватную и публичную, принадлежа тем самым к двум порядкам бытия. «Первое рождение» гражданина — это биологическое рождение в защите приватности, событие, которое совершается в укромности и тайне во всех цивилизациях. «Второе рождение» — это «вступление юного взрослого в свет публичности, в область политического действия. До этого существуют пороги, переходы, промежуточные области,

например, школа, где дети готовятся вступить в публичность» [20, 69]. «Второе рождение» не вынуждено необходимостью, это типично человеческое действие. Дальнейшая сущностно человеческая деятельность, по мнению Х. Арендт, невозможна без этой предпосылки.

В эпоху модерна для мужчин имеется возможность реализовать себя в публичном пространстве. Он свободно перемещается между публичной и приватной сферами. Для женщин возможности проявления себя в общественной политической жизни были значительно ограничены. В этом заключалась немая трагедия женской повседневности. Приватное пространство при определенных обстоятельствах может быть репрессивным местом.

Однако считалось, что женщины должны быть довольны выполнением своего истинного предназначения — службой любви мужу и детям. В доминировавшей буржуазной системе ценностей, где ценились прилежание, экономия времени и контроль над эмоциями, чувство скуки при исполнении своих считавшихся естественными обязанностей стало табу. Популярная литература, книги по воспитанию и манерам требовали, чтобы женщина, которая скучает, стыдилась своего эгоизма. В них рекомендовалось не тратить попусту драгоценное время, а всегда быть чем-то занятой. Возможные другие причины для скуки не рассматривались, когда говорилось о том, что женщины в результате отсутствия смысла жизни погружаются в глухую тоску, печаль, не имеющую оснований, в болезненное состояние души, излечить от которого может только работа. «Без радостного исполнения своего долга женщины будут жаловаться на пустоту своего бытия и скуку, мечтать о чем-то, что положит конец такому существованию, не зная, как назвать это что-то... Отсюда делался вывод, что женщина, которая скучает, свидетельствует против себя. Если такие мысли возникают во время шитья, следует быстро занять себя чем-то другим» [17, 103]. Если же женщины пытались заняться иной, помимо предписанной им, деятельностью, тогда считалось, что их время не только «тратится», но и «убивается» на деятельность, не предназначенную для семьи.

Легитимным способом обретения смыслов становится религия. В результате отсутствия у женщин возможности созидательной деятельности религия в XIX в. получает у них компенсаторный характер. Поскольку жизнь казалась им слишком пустой, традиционная набожность является возможностью обретения смысла. Происходит феминизация религии. Мужчины разделяют идеи секуляризации, в большей степени интересуются политикой и бизнесом. Церковь становится делом женщин, как одна из немногих возможностей выхода в публичную сферу. По словам У. Фреверт, «религия открывала женщинам дверь в пространство публичного, давала возможности коммуникации с другими людьми. Они могли вырваться из тесных рамок семьи — семьи, которая в XIX в. с его культом приватности и семьи становилась еще более тесной, чем ранее» [13, 14].

В конце XIX в. в результате роста самосознания женщин, все сильнее ощущавших отсутствие жизненных смыслов в своей роли исключительно частных людей, маргинальных для публичного мира, они начали требовать доступа в публичное пространство и возможности участия в политической и профессиональной деятельности.

Таким образом, в течение «долгого XIX века» в европейском обществе происходят процессы индустриализации и урбанизации, разделение дома и работы, публичного и приватного пространства. Ведущим классом становится буржуазия. Хотя ее представители составляют меньшинство населения, она распространяет свои ценности на все слои общества. Социально-экономические изменения сопровождаются усилением гендерных стереотипов. Популярность приобретает теория двух сфер: публичного и приватного пространства, согласно которой муж — кормилец семьи, а жена — хранительница домашнего очага. Этот нормативный конструкт выступает как естественное, заданное самой природой положение вещей, хотя является не культурно-антропологической универсалией, а изобретением модерна.

Установление дихотомического порядка было связано с произошедшим отделением жилого дома и приватной нуклеарной буржуазной семьи от внедомашней публичности. Исключение женщин из экономической и политической сферы буржуазного общества сопровождается потерей их прав и статуса. Домашний труд утрачивает свою экономическую составляющую и начинает рассматриваться как форма досуга, предназначенная для того, чтобы радовать и украшать. Отсутствие осмысленной деятельности и невозможность самореализации вызывают душевную скуку и пустоту, ощущение бесплодно затрачиваемого времени. Хотя в действительности возможность не заниматься продуктивной деятельностью была лишь у небольшой части женщин, идеология сепаратных сфер распространяется как идеал на все слои общества. Феминистская критика указывает на то, что пространственное разделение приватного дома и внедомашней публичности одновременно было связано с ригидными гендерно-специфическими отношениями власти и подчинения, когда женщина эксплицитно была исключена из публичной сферы, а ее единственно возможной сферой деятельности было исполнение роли домохозяйки, жены и матери. Этот влиятельный ментальный конструкт пользовался мощной общественной поддержкой как заданное от природы, естественное разделение гендерных ролей. Эссенциалистский взгляд относительно того, что женщины «по природе» принадлежат приватной сфере, оказался очень влиятельным, и эти стереотипы до сих пор воздействуют на массовое сознание. Созданный на их основе идеал семьи продолжает существовать и в наше время.

1. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Библихина. СПб., 2000.

2. *Аригунова Е. В.* Скука и время // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия, социология, политология. 2010. № 340 (нояб.). С. 45–47.

3. *Глебкин В. В.* Скука // Культурология. 2014. № 1(68). С. 158–171.

4. *Крамп-Канабе М.* Глазами авторов философских сочинений XVIII в. // История женщин на Западе : в 5 т. Т. 3 : Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2008. С. 323–357.

5. *Лишаев С. А.* Эстетика Другого. СПб., 2008.

6. *Сведенсен Л.* Философия скуки. М., 2003.

7. *Скотт Д. У.* Женщина-работница // История женщин на Западе : в 5 т. Т. 4 : Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / под общ. ред. М. Перро. СПб., 2015. С. 375–402.
8. *Хафтон О.* Женщины, труд и семья // Там же. Т. 3 : Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. С. 26–58.
9. *Чеснокова Л. В.* Сферы приватного и публичного как дихотомия природы и культуры // Вестн. ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2018. № 2(19). С. 44–47.
10. *Budde G.* Blütezeit des Bürgertums. Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert. Darmstadt, 2009.
11. *Cancian F. M., Olikier S. J.* Caring and Gender. Walnut Creek, 2000.
12. *Frevert U.* Bürgerliche Meisterdenker und das Geschlechterverhältnis. Konzepte, Erfahrungen, Visionen an der Wende von 18. zum 19. Jahrhundert // Bürgerinnen und Bürger: Geschlechterverhältnisse im 19. Jahrhundert: zwölf Beiträge (hrsg. von U. Frevert). Göttingen, 1988. S. 17–48.
13. *Frevert U., Haupt H.-J.* Der Mensch des 19. Jahrhunderts // Der Mensch des 19. Jahrhunderts (hrsg. von U. Frevert, H.-J. Haupt). Frankfurt a/M, 2004. S. 9–18.
14. *Gather C.* Zu einigen Begrifflichkeiten: Geschlechterrollen und Weiblichkeitsmythen // Soziologie des Privaten (hrsg. von K. Hahn, C. Koppatsch). Wiesbaden, 2011. S. 53–70.
15. *Habermas R.* Frauen und Männer des Bürgertums. Göttingen, 2002.
16. *Hall C.* The Sweet Delights of Home // A History of Private Life. Vol. 4 : From the Fires of Revolution to the Great War (ed. by M. Perrot, P. Ariès, G. Duby). Cambridge, 1990. P. 47–94.
17. *Kessel M.* Langeweile. Zum Umgang mit Zeit und Gefühlen in Deutschland von späten 18. Bis zum frühen 20. Jahrhundert. Göttingen, 2001.
18. *Kochka J.* Einleitung // Bürger und Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert (hrsg. von J. Kochka). Göttingen, 1995. S. 7–34.
19. *Koschuba W.* Deutsche Bürgerlichkeit nach 1800. Kultur als symbolische Praxis // Bürger und Bürgerlichkeit im 19. Jahrhundert (hrsg. von J. Kochka). Göttingen, 1995. S. 92–127.
20. *Moenig J.* Vom “oikos” zum Cyberspace. Das Private in der politischen Philosophie Hannah Arendts. Bielefeld, 2017.
21. *Ruhne R.* Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum. Wiesbaden, 2011.

Рукопись поступила в редакцию 14 января 2019 г.